УДК 94 (47). 084

Захаров Александр Михайлович

кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
тел.: (812) 550-46-83

Zakharov Alexander Mikhailovich

PhD in History, Associate Professor of the Department of Russian History of Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen (Saint Petersburg)
tel.: (812) 550-46-83

СОЛДАТСКИЕ СОВЕТЫ В СЕРБСКОМ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОМ КОРПУСЕ В РОССИИ ВЕСНОЙ 1917 г.

SOLDIERS' COUNCILS IN THE SERBIAN VOLUNTEER CORPS IN RUSSIA IN THE SPRING OF 1917

Статья посвящена истории создания представительных органов – солдатских советов – в частях Сербского добровольческого корпуса, воевавшего в Первую мировую войну на русском фронте. Отмечая генетическую взаимосвязь процесса с аналогичным, происходившим в то же самое время в русской армии, автор выделяет специфику и особенности, касающиеся непосредственно сербских добровольцев, а также указывает, что процесс солдатской самоорганизации начался еще до событий 1917 г. в России. Ряд документов, использованных в статье, впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: **Первая мировая война, Сербский добровольческий корпус, Февральская революция, солдатские советы.**

The article is devoted to the history of the creation of representative bodies – Soldiers' Councils – in parts of the Serbian Volunteer Corps, who fought during World War I on the Russian front. Noting the genetic relationship to the same process that took place at the same time in the Russian army, the author identifies specific features and characteristics that relate specifically to the Serbian volunteers, and also indicates that the process of self-organization of the soldiers began even before the events of 1917 in Russia. A number of documents used in the article were first introduced to the scientific usage.

Key words: **World War I, Serbian Volunteer Corps, February Revolution 1917, soldiers' councils.**

Процесс формирования представительных органов в полевых лагерях на Юге России, где с 1916 г. создавались фронтовые части Сербского Добровольческого Корпуса (СДК), совпал по времени с процессом создания советов солдатских депутатов после Февральской революции 1917 г. Однако внешняя схожесть двух явлений не дает нам права ставить между ними знак равенства. Самоорганизация солдат и младших офицеров СДК началась едва ли не в момент создания корпуса, и складывание советов здесь представляло собой не начальную, а, скорее, конечную фазу процесса.

Представляется необходимым выделить несколько доминантных факторов, легших в основу столь нестандартной ситуации. Во-первых, необходимо учитывать, что СДК уже с лета 1916 г. был добровольческим сугубо по названию, и принудительные меры сербских и части русских высших военных начальников понуждали личный состав корпуса к ответной реакции. Во-вторых, важную роль сыграла национальная и религиозная гетерогенность корпуса – объединить людей разных национальностей и конфессий могла только политическая необходимость. В-третьих, личный состав СДК состоял преимущественно из подданных Австро-Венгрии – одной из великих держав Европы, где всеобщее начальное образование, кстати, было введено еще в конце XVIII века. Уровень политической и общей культуры солдат и офицеров СДК способствовал тем самым более энергичным усилиям в плане выражения своего мнения через репрезентативные структуры. Наконец, нужно иметь в виду и четвертый фактор. Вопреки тому, что писалось несколько ранее в отечественной литературе, уровень воздействия русской партийной пропаганды на состав СДК до лета 1917 г. был довольно низким. Дело в том, что основные усилия радикальных политических сил России были нацелены, скорее, на русских военнопленных в Германии и Австро-Венгрии и на русские и славянские части Западного и Салоникского фронтов – здесь и работать было проще, и пропаганда была нагляднее, и добраться до этих краев русским политэмигрантам было не в пример легче. Это косвенным образом подтверждают работы еще советских историков, в частности, А.П. Якушиной [1]. Комиссия помощи военнопленным была создана Комитетом заграничных организаций РСДРП в Берне еще в марте 1915 г. (председатель – Г.Л. Шкловский, члены руководства – И.Ф. Арманд, Г.Я. Беленький, Н.К. Крупская), но первый номер ее печатного издания «В плену» вышел лишь в феврале 1917 г., став, причем, и последним. Югославянские солдаты поминались в нем исключительно применительно к ситуации на Салоникском фронте [1, с. 364].

Вместе с тем полностью отрицать попытки русских политических сил влиять на ситуацию в СДК не следует. Начальник контрразведки штаба Одесского военного округа жандармский ротмистр Белавин доносил начальнику штаба округа 18 февраля 1917 г.: «В текущем феврале месяце этого года в комендатуру гор. Одессы из расположенного в Одессе 1-го запасного батальона 1-й

Сербской добровольческой дивизии дважды являлись партии нижних чинов – первый раз в кол-ве 44 чел., и второй в кол-ве 70 чел. – с заявлением о своем нежелании нести военную службу и с просьбой перевести их на положение военнопленных. Агентурным путем отделение выяснило, что агитация среди нижних чинов Сербской дивизии… ведется штатскими лицами, за которыми установлено наблюдение» [2, ф. 1837, оп. 9с, д. 1841, л. 104, 104об].

Факт начала самоорганизации в сербских частях признавался и непосредственно участвовавшими в событиях большевиками, причем особо подчеркивалась при этом роль Февральской революции. Видный деятель югославянского коммунистического движения А.В. Ковачевич-Чудновский, служивший в это время в обозных частях СДК, вспоминал на заседании югославской группы при музее ЦДКА 23 ноября 1932 г.: «Еще задолго до Февральской революции видим внутри масс военнопленных (как и среди добровольцев) углубление классовых антагонизмов, рост недовольства и нарастание революционных настроений… Влияние некоторое на нас в этом отношении оказали также наши случайные знакомства с отдельными рабочими-одесситами, среди которых наверняка были люди с пропагандой большевистских идей… Но в основном все эти недовольства в этот период развивались стихийно без всякого почти результата… В период Февральской революции наша часть (дивизионный обоз) находилась в селе Болгарка возле г. Вознесенска на Украине. Здесь мы уже открыто выступили против войны и против сербских командиров, обвиняя их в целом ряде преступлений, воровстве, издевательстве над солдатами… В рядах СДК солдаты вместо беспрекословной повинности старому царскому офицерству выбирало свои солдатские советы, состав которых был преимущественно из своих же рядовых солдат и низших унтеров, среди которых были и рабочие. Требование создания среди сербских добровольцев-солдат советов, или комитетов, как мы их тогда называли, конечно, основывалось на знаменитом приказе Петросовета № 1» [2, ф. 1837, оп. 2, д. 168, л. 16, 18].

Следует отметить, что основная часть требований сербской солдатской массы не носила не то что большевистского, но и вообще сколько-нибудь партийного характера – сами солдаты метко оценивали их уровень, называя его «вопросом о каше» [3, с. 45]. Так прибывшая в Петроград в Военное министерство 8 апреля 1917 г. делегация офицеров, юнкеров и солдат, отчисленных из СДК, в составе подпоручиков Р. Шоварки и Г. Пекле, старшего унтер-офицера А. Линардича и рядового Т. Навиялича, просила от лица отчисленных о следующем: «1) ввиду полной несправедливости и неправильности нашего отчисления из корпуса, восстановить всех отчисленных во всех правах, которыми они пользовались до отчисления, относительно помещения, довольствия, одежды и свободы передвижения; 2) назначить немедленно расследование, оправданны ли голословные обвинения сербских офицерских кругов относительно неблагонадежности и предательства отчисленных; 3) по выяснении необоснованности подобных обвинений распорядиться: а) чтобы отчисленные офицеры были переведены на службу в ряды Русской армии с правом выбора частей; б) чтобы отчисленные юнкера были приняты в Русские военные училища; в) чтобы желающие отчисленные солдаты были зачислены в Русские войска; не желающие же – чтобы были поставлены на положение не хуже положения не высланных неприятельских подданных» [2, ф. 366, оп. 1, д. 380, л. 175].

О том, что партийное влияние на СДК в этот период было практически незаметным, вспоминал и офицер СДК (впоследствии – комбриг РККА) Д.Ф. Сердич. Выступая на заседании югославского землячества в музее ЦДКА 9 ноября 1932 г., он отмечал: «Я не хочу обидеть особенно старых товарищей, которые работали в социал-демократической партии до 1917 г., надо сказать сразу, что к сожалению, соответствующей работы мы не чувствовали даже в начале 1917 г. Эти товарищи не имели связи с русскими большевиками, а наши товарищи без бывших социал-демократов своей роли не сыграли» [2, ф. 1837, оп. 2, д. 167, л. 3].

Разумеется, наиболее активным противником формирования советов солдатских депутатов выступило командование СДК. Ковачевич-Чудновский вспоминал об этом, что «вокруг солдатских советов в первое время развернулась борьба среди солдат и командования СДК. Командование сначала отказалось подчиняться этому приказу, дескать мы не русская, а сербская армия. Но когда недовольство, вызванное этим отказом, приняло формы бунта, генералы Живкович и Хаджич очень скоро пошли на попятную и «разрешили» произвести форменные выборы комитетов, сначала ротных (по 1 делегату выборному от взвода) а затем и полковых, это было в начале или середине апреля месяца 1917 г.» [2, ф. 1837, оп. 2, д. 168, л. 19].

Данное описание событий не вполне корректно. Во-первых, определенные элементы самоорганизации наблюдались в корпусе еще в 1916 г. Унтер-офицер Н. Грулович, много занимавшийся впоследствии историей корпуса, утверждал, что еще в июне 1916 г. солдат Р. Маркович создал первый нелегальный солдатский комитет в корпусе, в который входил и сам Грулович [4, с. 33]. Однако Маркович погиб в ходе Добруджинской операции при весьма двусмысленных обстоятельствах (Грулович по-

лагал, что его убили свои же офицеры), Грулович же как мемуарист известен несколько вольным обращением с фактами, а другими свидетельствами о существовании комитета мы не располагаем. Другой боец корпуса Э. Чопп говорил, что в 1-й бригаде 1-й дивизии комитет возник буквально накануне Февральской революции и никаких активных действий до марта 1917 г. не предпринимал [4, с. 33].

Второй аспект проблемы заключается в том, что организацией выборных комитетов занимались не только солдаты, но и офицеры. 13 марта 1917 г. к командиру корпуса генералу Живковичу явилась делегация офицеров 1-го полка 1-й дивизии. Делегаты заявили протест против грубого и недостойного офицера обращения с ними командира полка полковника С. Поповича и потребовали разрешения на создание полкового комитета. От лица делегации протест подписали штабс-капитан Я. Стефанчич и подпоручики М. Горуп, К. Жанко и С. Лапайне. Командир корпуса сперва дал принципиальное согласие на создание комитета, но затем приказал арестовать указанных офицеров на восемь суток «за неуставное обращение к командиру корпуса» [3, с. 35].

В ночь на 14 марта 1917 г. в Одессе 80 офицеров запасного батальона собрались в офицерской столовой и выбрали временный батальонный комитет из восьми человек. После того, как генерал Живкович распорядился распустить комитет как незаконный, а членов его отказался даже выслушать, 16 марта 25 офицеров во главе с подпоручиком М. Баничем подали заявления об уходе из корпуса. Живкович передал этих офицеров русским военным властям.

Командир корпуса, однако, не был неразумным или политически слепым человеком. Он тут же направил в Военное министерство Сербии в Салоники телеграмму с предложением переименовать корпус в «Югославский добровольческий», а также уравнять всех офицеров в материальных правах (сербские офицеры имели преимущество перед бывшими офицерами австро-венгерской армии). «В связи с русской революцией я объявил в приказе по корпусу, – заключал генерал, – что мы не имеем права и не должны вмешиваться во внутренние дела Российского государства, гостями которого мы являемся» [3, с. 35]. Военный министр генерал В. Терзич не только отказал Живковичу, но еще и отчитал – телеграмма в 183 слова была сочтена слишком длинной, а писать генералу впредь рекомендовали по «исключительно наиболее важным служебным вопросам» [3, с. 36].

29 марта 1917 г. Живкович получил ответ еще и от премьер-министра Пашича (он текстуально совпадает с написанным рукой Пашича черновиком, составленным на обороте пресловутой телеграммы в 183 слова). Премьер-министр соглашался с уравнением в правах офицеров, но только тех, которые подадут официальные прошения о переходе в сербское подданство, название же корпуса предлагалось изменить на «Добровольческий корпус сербов, хорватов и словенцев». Солдатам же предлагалось сообщить, что после окончания войны правительство выделит каждому из них за государственный счет 5 гектаров земли. Живкович огорченно резюмировал по этому поводу: «Жаль, что они не приняли эти решения полгода назад» [4, с. 46].

Решения сверху, и в самом деле, запаздывали. Пока шла переписка с Салониками, 22 марта 1917 г. прошло офицерское собрание во 2-м полку. Резолюция его звучала весьма категорично: «1. Переименовать корпус в Югославский добровольческий; 2. Переформировать полки по конфессиональному признаку; 3. Ни в коем случае не следует считать корпус войском православной Сербии, а его офицеров – сербскими офицерами, а они должны рассматриваться как особое югославянское революционное войско, состоящее из революционеров – выходцев из югославянских провинций австро-венгерской монархии; 4. Каждый должен проникнуться сознанием того, что невозможно существование ни Великой Сербии, ни Великой Хорватии, ни Великой Словении» [3, с. 38].

Обратим внимание на первый и четвертый пункты резолюции. В них – квинтэссенция отношения «диссидентов» к происходящему в корпусе. Еще четче это видно в рапорте начальника хозяйственной части 4-го полка 1-й дивизии поручика Г. Барабаша. Грамотный, образованный офицер, окончивший перед войной юридический факультет Загребского университета, служивший в корпусе с первого дня его создания, левый социал-демократ, эволюционировавший постепенно в направлении большевизма, он в нескольких словах отразил суть проблемы: «Начинается погоня за тем, у кого будет больше батальонов – у сербов или у хорватов, – писал он, – возникает вопрос об урегулировании отношений между сербами, хорватами и словенцами по миллиону разнообразных политических, культурных, религиозных проблем. А почему? Потому, что не принимается название «югославянин», которое одно только и может нас объединить и сплотить. Ради югославянской идеи я пожертвовал всем, но идеей я пожертвовать не могу, потому что без этого я ничто» [5, с. 90].

Политизация в эти дни активно шла только в одном направлении – в национально-политическом. Представитель Югославянского комитета А. Мандич писал, что в марте в корпусе был созван митинг, принявший резолюцию о федеративном устройстве будущего югославского государства. «Подлинное осуществление принципа равноправности возможно только в случае со-

здания федерации сербских, хорватских и словенских земель», – говорилось в резолюции. Великосербская идея подверглась критике на митинге, особенно в выступлениях хорватов и словенцев. «По нашему глубокому убеждению, – говорилось в той же резолюции, – великосербская идея не отвечает интересам сербского народа...» [6, s. 238-239].

Командование корпуса такое развитие событий не устраивало. Командующий СДК генерал Живкович в своем меморандуме Временному Правительству от 23 апреля 1917 г. настойчиво просил «принять меры для прекращения вмешательства во внутренние дела корпуса и отстранить внешние темные силы в лице хорватов Геруца и Гаранчича и словенца инженера Тумы» [2, ф. 366, оп. 1, д. 380, л. 183]. На обороте меморандума Живкович мстительно добавлял: «Этот Тума выбран австрийской социал-демократической партией на конгресс в Стокгольм… Эти индивидуумы работают на том, чтобы против корпуса направить мнение революционных комитетов Петрограда, Москвы и Одессы» [2, ф. 366, оп. 1, д. 380, л. 183об].

Решающую роль в формировании советов, как видим, сыграла не партийная пропаганда, а принципиально нетерпимое положение югославян в военных лагерях на Юге России, сознательное провоцирование сербскими офицерами национальной и конфессиональной розни за счет великосербской пропаганды, слабая дисциплина и казнокрадство самого корпусного командования.

Совет как таковой был сформирован в первоначальном виде 8 апреля 1917 г. в городе Александровске, где находилась 2-я дивизия СДК-именно в этой дивизии недостатки формирования Сербского добровольческого корпуса проявлялись особо отчетливо (солдаты дивизии между собой называли себя «силовольцами») [3, с. 45]. Основанием для создания совета стал приказ Генерального штаба русской армии № 51 от 30 марта 1917 г. [2, ф. 1837, оп. 1, д. 444, л. 1]. Участвовали в заседании представители эсеров и меньшевиков Александровска (Новиков и Дегтярюк) и Екатеринослава (Фельдман и Николаев), где стояли части 1-й дивизии, делегаты Исполкома Севастопольского совета Страшинский, Мирошниченко, Гузеев и Осовский (партийная принадлежность в протоколе не отражена – А.З.), от 2-й дивизии СДК – майор Милич, подпоручик Торош, унтер-офицер Лукашинович, рядовые Гачинович и Лукаш, а также депутаты Центральной Рады общественных организаций от города Александровска Сонин и Крылов-Мартьянов. Постановление заседания выглядело следующим образом: «организовать объединенный комитет как постоянное учреждение, имеющее следующие задачи: а) участвовать в лице своих уполномоченных при опросе наличного состава членов дивизии по вопросам о переформировании; б) осветить идею образования добровольческого корпуса сербов, хорватов и словенцев, как в печати, так и на собраниях; в) образовать бюро, куда бы поступали все заявления о возникших недоразумениях между населением г. Александровска и его уезда, с одной стороны, и с добровольческой дивизией, с другой; г) просить Александровских с-р и с-д предоставить в своем органе «Единение» отдел для освещения деятельности объединенного комитета; д) объединенный комитет ставит своей задачей устраивать митинги, концерты, спектакли и т.д., имеющие своей целью сближение населения и дивизии. Объединенный комитет состоит из Центрального комитета в г. Александровске и местных комитетов в местах стояния добровольческой дивизии, причем последние должны быть сконцентрированы на основе Центрального объединенного комитета и, являясь автономными внутри себя, подчиняться общим директивам Центрального комитета. В состав Центрального объединенного комитета входят по 4 представителя от с-р и с-д депутатов, от добровольческой дивизии, от Горисполкома общественных организаций, по 1 представителю от 3-й тыловой автомастерской и от Управления воинского начальника» [2, ф. 1837, оп. 1, д. 444, л. 187].

Реальная сила совета видна на примере весьма своеобразного документа, датированного 23 апреля 1917 г. Это – письменное обязательство, данное совету командиром 2-й дивизии полковником Д. Димитриевичем. «Сегодня, 23 апреля, я прикажу всем офицерам дивизии собраться в здании штаба, где в присутствии солдатских депутатов Александровского гарнизона прикажу им немедленно прекратить избиения солдат, имеющие место в полках, – говорится в нем, – обязуюсь арестовать всех тех офицеров, которые будут бить солдат или, зная об этом, не предпримут необходимых мер для прекращения этого и после приказа о реорганизации дивизии» [6, s. 238-239].

Не отрицая факта формирования Центрального объединенного комитета 8 апреля, Ковачевич-Чудновский, впрочем, выделяет канун Первомая. Комитеты 2-й дивизии решили «перед самым Первым Маем, ночью почти полулегально собрать всех комитетчиков и вынести решение во что бы то ни стало, хотя бы и ценой крови продемонстрировать с братьями-русскими. С сельской старшиной было уговорено насчет помещения для собрания в селе Болгарка… Если не ошибаюсь, т. Николаем Ковачевичем была прочитана и единогласно принята резолюция, в которой призывались солдатские массы к участию в демонстрации, несмотря и вопреки запрету комдива Хаджича. Дальше речь шла о материальном улучшении (хлеб, сахар, обувь и др.) солдат, было напоминание о воровстве в дивизии и,

наконец, выдвинуто требование о привлечении к судебной ответственности целого ряда высших офицеров, особо выдающихся в области пьянок, истязаний и расстрелов солдат без всякого суда во время Добруджинской операции. В эту фактически историческую ночь по существу и зародился впервые югославский солдатский революционный войсковой комитет» [2, ф. 1837, оп. 2, д. 168, л. 20].

Контроль за ситуацией в корпусе Советы тем самым установили в конце апреля-начале мая 1917 г., но успех их был предопределен всем предшествующим развитием событий. Все тот же Ковачевич-Чудновский с некоторым удивлением отмечал: «И всего этого войсковой совет добился без особой активности, я даже насколько помню ни разу не собирался в таком внушительном числе как в деревне Болгарке по поводу подготовки к первомайской демонстрации» [2, ф. 1837, оп. 2, д. 168, л. 23]. Ему же принадлежит, пожалуй, самое удачное резюме сюжета с формированием советов в сербской военной среде в России: «Фактически этот развал начался тотчас после февральских дней, да пожалуй и раньше – в конце 1916 г., но более ощутимые размеры он принял после 1 мая 1917 г., когда солдаты сербских дивизий решили в подавляющем большинстве принять активное участие в майских демонстрациях вопреки приказа сербского командования» [2, ф. 1837, оп. 2, д. 168, л. 22].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Якушина А.П.* В.И. Ленин и заграничные организации РСДРП. М., 1972.
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).
3. *Зеленин В.В.* Под Красным знаменем Октября: Югославянские интернационалисты в Советской России, 1917-1921 гг. М., 1977.
4. *Очак И.Д.* Югославянские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России (1917-1921 гг.). М., 1966.
5. Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов и материалов. / под ред. В.В. Зеленина, Г.М. Славина. М., 1976.
6. *Mandić A.* Fragmenti za historiju ujedinjenja. Povodom četrdesetgodišnjice osnivanja Jugoslavenskog odbora. Zagreb, 1956.